

- Adovasio J.M., Hyland D.C., Soffer O.** Textiles and Cordage: Preliminary Assessment // Pavlov I 1957 Excavations / Ed. by J. Svoboda. - Brno: Archeologicky Ustav AV CR, 1997. - P. 403 - 424.
- Adovasio J.M., Hyland D.C., Klima B., Svoboda J., Soffer O.** Textiles, Basketry and Nets in Upper Paleolithic Moravia: Perishable Technology in the Pavlov Culture // *Archeologické rozhledy*. - (In press).
- Barber E.J.W.** Prehistoric Textiles. - Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Barber E.J.W.** Women's work: The first 20,000 Years. - N. Y.: W.W. Norton and Co, 1994.
- Cheynier A.** Comment Vivait l'Homme des Cavernes / Ed. by Robert Arnoux. - P., 1967.
- Childe V.G.** Man makes himself. - N. Y.: Mentor Books, 1936.
- Clark G.** Symbols of Excellence. - Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Conroy L.P.** Women in Archaeology // Women in Archaeology / Ed. by H. du Cross and L. Smith. - Canberra: The National University, 1993. - P. 153 - 160. - (Occasional Papers in Prehistory N 23. Dept of Prehistory, Research School of Pacific Studies).
- Costin L.** Exploring the Relationship between Gender and Craft in Complex Societies: Methodological and Theoretical Issues of Gender Attribution // Gender and Archaeology / Ed. by R.P. Wright. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. - P. 111 - 142.
- Delporte H.** L'Image de la Femme dans l'art préhistorique. - P.: Picard, 1979.
- Dobres M.A.** Re-considering Venus Figurines: A Feminist-Inspired Re-analysis // Ancient Images, Ancient Thought: The Archaeology of Ideology: Proceedings of the 1990 International Chacmool Conference / Ed. by A.S. Goldsmith, S. Garvie, D. Selin and J. Smith. - Calgary: University of Calgary, 1992. - P. 254 - 262.
- Duhard J.P.** L'identifité physiologique, un élément d'interprétation des figurations féminines paléolithiques // *Trabajos de prehistoria*. - 1994. - N 51.
- Engendering Archaeology** / Ed. by J.M. Gero and M. Conkey. - Oxford: Blackwell, 1991.
- Gvozdozer M.D.** Ornamental Decoration on Artifacts of the Kostenki Culture // Soviet Anthropology and Archaeology. - 1989a. - N 27(4). - P. 8 - 31.
- Gvozdozer M.D.** The Typology of Female Figurines of the Kostenki Paleolithic Culture // Soviet Anthropology and Archaeology. - 1989b. - N 27(4). - P. 32 - 94.
- Hald M.** Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. - Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1980.
- Joyce R.A.** Women's Work: Images of Production and Reproduction in Pre-Hispanic Southern Central America // *Current Anthropology*. - 1993. - Vol. 34. - P. 255 - 274.
- Kehoe A.B.** Points and Lines // The Powers of Observation: Alternative Views in Archaeology / Ed. by S.M. Nelson and A.B. Kehoe. - 1990. - N 2. - P. 23 - 27. - (Archaeological Papers of the American Anthropological Association).
- King M.E.** The Perishable Preserved: Ancient Textiles from the Old World with Comparisons from the New World // The review of Archaeology. - 1991. - Vol. 13(1). - P. 2 - 11.
- Klima B.** Lovci mammutů z Predmostí. - Praha: Academia, 1990.
- Leroi-Gourhan A., Allain J.** Lascaux Inconnu. - P.: CNRS, 1979.
- Lesure R.G.** Figurines and Social Identities in Early Sedentary Societies // Women in Prehistory / Ed. by C. Classen and A. Joyce. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. - P. 227 - 248.
- Marshaek A.** The Female Image: A "Time-factored" Symbol. A Study in Style and Aspect of Image Use in the Upper Paleolithic // Proceedings of the Prehistoric Society. - 1991. - Vol. 57, part 1. - P. 17 - 31.
- McDermott L.** Self-Reproduction in the Upper Paleolithic Female Figurines // *Current Anthropology*. - 1996. - Vol. 37. - P. 227 - 276.
- Moser F.** Archeologie expérimentale historique et méthodologie // Annales des Journées Archeologiques de l'Association des Amis du Passé du St. C'ère. - France, 1997.
- Murdock G.P.** Comparative data on the Division of Labor by Sex // *Social Forces*. - 1937. - N 15. - P. 551 - 553.
- Murdock G.P., Provost C.** Factors in the Division of Labor by Sex. A Cross-Cultural Analysis // *Ethnology*. - 1973. - Vol. 12. - P. 203 - 226.
- Mussi M.** Continuity and Change in Italy at the Last Glacial Maximum // The World at 18,000 BP / Ed. by O. Soffer and C. Gamble. - L.: Unwin Hyman, 1990. - Vol. 1: High Latitudes. - P. 126 - 147.
- Nadel D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M.E., Stewart K.** 19000-Year-Old Twisted Fibers from Ohalo II // *Current Anthropology*. - 1994. - Vol. 35(4). - P. 451 - 457.
- Owen L.R.** Der Gebrauch von Pflanzen in Jungpaläolithikum Mitteleuropas // *EAZ Ethnogr.-Archaeol. Z.* - 1996. - Vol. 37. - P. 119 - 146.
- Praslov N.D.** Eine neue Frauestatuetten aus Kalkstein von Kostenki I (Don, Russland) // *Archaeologisches Korrespondenzblatt*. - 1993. - Bd 23, H. 2. - S. 165 - 173.
- Schneider J., Weiner A.** Introduction // Cloth and Human Experience. - Wash.: Smithsonian Institution Press, 1989. - P. 1 - 15.
- Soffer O.** Upper Paleolithic Connubia, Refugia and Archaeological Record from Eastern Europe // Pleistocene Old World: Regional Perspectives / Ed. by O. Soffer. - N. Y.: Plenum Publishing Co., 1987. - P. 333 - 348.
- Soffer O.** The Mutability of Upper Paleolithic Art in Central and Eastern Europe: Patterning and Significance // Beyond Art / Ed. by M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann and N. Jablonski. - San Francisco: University of California Press, 1997. - P. 239 - 262.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C., Klima B., Svoboda J.** Perishable Technologies and the Genesis of the Eastern Gravettian // *Anthropologie*. - 1998. - Vol. 36, N 1/2. - P. 43 - 68.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C., Illingworth J.S., Klima B., Svoboda J.** Perishable Industries from Dolni Vestonice I: New Insights into the Nature and Origin of the Gravettian // Proceedings of the Masaryk University Conference. - (In press).
- Soffer O., Conkey M.** Studying Ancient Visual Culture // Beyond Art / Ed. by M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann and N. Jablonski. - San Francisco: University of California Press, 1997. - P. 1 - 16.
- Sterdeur-Yedid D.** Les Aiguilles à Chas au Paléolithique: XII Supplément à Gallia Préhistoire. - P.: CNRS, 1979.
- Watson P.J., Kennedy M.C.** The Development of Horticulture in the Eastern Woodlands of North America: Women's Role // Engendering Archaeology / Ed. by J.M. Gero and M.W. Conkey. - Oxford: Blackwell, 1991. - P. 255 - 275.
- White R.** Dark Caves, Bright Visions. - N. Y.: The American Museum of Natural History, 1986.
- Wobst M.** The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology // *American Antiquity*. - 1978. - Vol. 43. - P. 303 - 309.
- Yalon M.** A History of the Breast. - N. Y.: Knopf, 1997.

УДК 902

В.Д. Кубарев¹, Д. Цэвээндорж²

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: kubarev@paleo.archaeology.nsc.ru

² Институт истории АН Монголии, ул. Шуудангийнслбар, 19,
Улан-Батор, Республика Монголия
E-mail: jganbold@magiconet.mn

TERRA INCOGNITA В ЦЕНТРЕ АЗИИ

На пороге третьего тысячелетия на Земле, наверное, уже не осталось “белых пятен”, нет уже таких мест, где бы не побывал наш современник. Пожалуй, только отдельные труднодоступные области азиатских гор и пустынь до сих пор остаются неисследованными и ждут своих первооткрывателей. Такой загадочной и неизвестной землей можно назвать Монгольский Алтай (рис. 1). Его территория до сегодняшнего дня не только является естественным природным резерватом, но и остается малоизученным археологическим заповедником.

Для многих известных путешественников и ученых, стремившихся в глубинные районы Юго-Восточной Азии, суровые горы Монгольского Алтая служили как бы перевалочным пунктом, коротким эпизодом и началом их странствий. Вероятно, поэтому в обширных трудах, посвященных изучению различных регионов Азии, почти нет сведений о древних памятниках этого края. Особенно интересным в плане изучения древних культур Центральной Азии представляется Баян-Олгийский аймак - самая высокогорная часть Монголии (49° 19' с. ш. - 88° 26' в. д.). Вот уже в течение шести полевых сезонов здесь проводит исследования Восточно-Алтайский отряд Института археологии и этнографии СО РАН (рис. 2). Работы осуществлялись совместно с учеными Академии наук Монголии при финансовой поддержке Орегонского университета и Президиума Сибирского отделения Российской Академии наук.

К настоящему времени наконец удалось определить границы огромного петроглифического комплекса, расположенного в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур. Рисунки, выбитые на скалах (рис. 3) и на

отдельных глыбах моренных гряд, насчитываются многими тысячами и встречаются на протяжении 15 - 20 км вдоль южных склонов гор. По возрасту (от неолита до средневековья), стилю, разнообразию сюжетов и персонажей они являются уникальными, образуя самостоятельный историко-культурный регион не только в пределах Монгольского Алтая, но и во всей Центральной Азии.

В Баян-Олгийском аймаке известно еще несколько, менее крупных, пунктов с петроглифами: 1) в долине р. Хара-Яма, 2) Хара-Чулун, в долине р. Цагаан-Гол, 3) в долине р. Хара-Ус (правом притоке Цагаан-Гола), 4) на левом берегу Цагаан-Гола, ниже слияния рек Хара-Ус и Цагаан-Ус. На всех этих местонахождениях, отличающихся локальным своеобразием, проводились работы по копированию рисунков, фотографированию и определению координат памятников.

В 1998 г. у границы с Китаем, на западном берегу оз. Хотон, в местности Арал-Толгой (48° 20' с. ш. - 89° 30' в. д.) нами открыто небольшое (по площади и числу рисунков), но, без сомнения, выдающееся местонахождение петроглифов. Изображения различных животных и птиц выполнены в основном на горизонтальных плоскостях невысокой горной гряды в архаичной контурной технике, сильно выветрены и патинизированы. Петроглифы Арал-Толгой, возможно, самые древнейшие в Монгольском Алтае. Компактное скопление рисунков на Хотоне, даже судя по предварительному сравнительно-типологическому анализу изображений, имеет небольшой хронологический диапазон. Его можно датировать в пределах неолита - ранней бронзы, потому что для более ранней даты пока нет серьезных и убедительных данных. Здесь

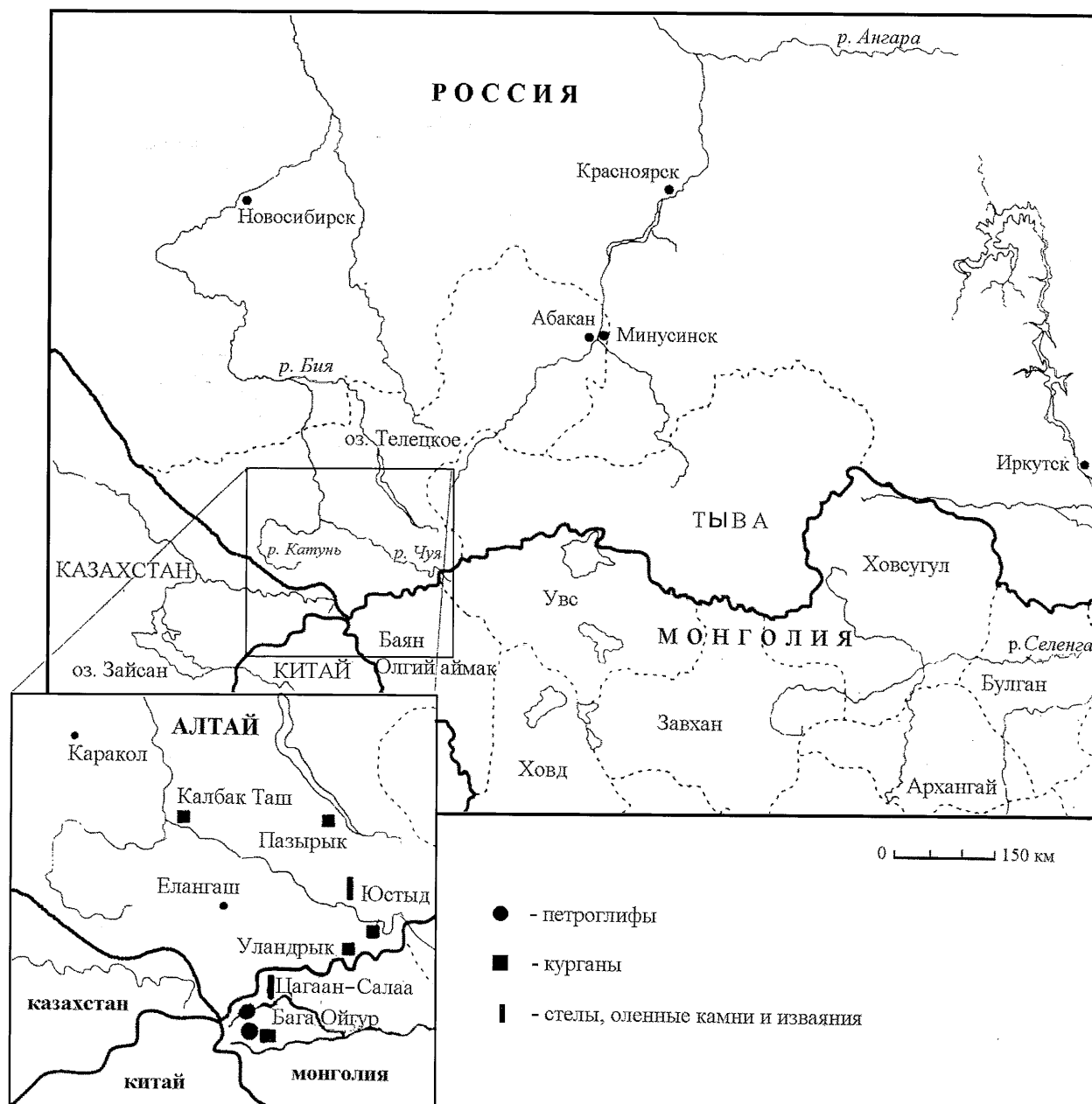

Рис. 1. Карта Центральной Азии и Алтая.

также отсутствуют типичные для развитой и поздней бронзы Алтая изображения вооруженных мужчин, нет сцен охоты и войны, выпаса скота и т. д. Не найдено в Арал-Толгой и рисунков, выполненных в раннескифской изобразительной традиции.

В петроглифах Арал-Толгой также практически отсутствуют изображения человека, а фигуры животных не связаны в композиции или в какие-либо повествовательные сцены. Часто это крупные одиночные изображения промысловых животных: оленей, быков, козлов, баранов и кабанов (рис. 4, 1 - 9). В этот ряд традиционных для петроглифов Алтая образов мира диких зверей теперь следует включить и оригиналь-

ные рисунки птиц (рис. 4, 10 - 12), обнаруженные на уплощенной вершине гряды Арал-Толгой. Именно они придают своеобразие и новизну открытому нами комплексу. Вместе с тем петроглифы этого памятника своей изобразительной манерой, техникой исполнения и упомянутыми персонажами обнаруживают явные культурные связи не только с некоторыми пунктами наскального искусства внутри Монголии, но и с петроглифами Российского Алтая. На корреляционной таблице (см. рис. 4), как нам представляется, очень хорошо обозначена прямая связь между рисунками Арал-Толгой и изобразительными материалами Калбак-Таша [Kubarev, Jakobson, 1997] и Каракола

Рис. 2. Лагерь экспедиции в долине р. Цагаан-Гол.

[Кубарев, 1988]. Промежуточными звеньями этой культурной цепочки, наверное, логично назвать петроглифы Елангаша, Кок-Узека, Курмантау и Карашана в Чуйской степи [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 52 - 53; Кубарев, 1997, с. 95] и наскальные рисунки плато Укок [Молодин, Черемисин, 1995, с. 89 - 91]. Типично местными, монгольскими, надо назвать крупные изображения птиц, диких баранов и козлов, изображения которых находят параллели в росписях пещеры Хойт-Цэнкер. Но связь их не так очевидна, как представляется на первый взгляд. При формальном сходстве все же заметны и различия: стилизованные фигуры птиц Хойт-Цэнкера выглядят куда более реалистично, чем схематичные изображения птиц Арал-Толгоя (ср. рис. 4, 10 - 12 и 34, 35). Какие из них более древние? А может быть, они созданы в одну эпоху? Ответить на эти и другие вопросы, очевидно, помогут дальнейшие исследования нового петроглифического комплекса.

Среди других обследованных в процессе археологических разведок объектов, оставленных древними и средневековыми кочевниками, особое внимание уделялось монументальным памятникам: оленним

Рис. 3. Наскальные изображения Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай).

камням и тюркским изваяниям. Многие из них публикуются впервые, однако некоторые открыты задолго до нас, и было любопытно сравнить сведения предшественников с нашими наблюдениями. Так, Г.Н. Потанин во время своего путешествия в 1876 - 1877 гг. описал и зарисовал два археологических объекта: "Близ озера Даин-Гуль, на плоском перевале... находится группа разнообразных кэрэксуров; в стороне от них, к западу, находится кишачило; это - четырехгранный столб; на южной стороне его изображен круг, на восточной - лошадь, и над ним три косые черты... кроме того, вокруг столба над изображениями сделано двенадцать ямочек" [1881, с. 72].

Мы нашли этот камень в том же месте. Конечно, рисунок памятника, сделанный исследователем более 120 лет назад, не совсем точен (рис. 5, 1). Г.Н. Потанин не заметил или не понял изображений пояса, чекана, колчана и второго круга (серьги) на противоположной грани оленного камня (рис. 5, 2). Его данные также необходимо дополнить координатами (48° 19' с. ш. - 88° 55' в. д.) и размерами камня (105 x 25 x 23 см). Совершенно идентичные памятники найдены в Российском Алтае [Кубарев, 1979,

с. 107, табл. IX, 1 - 3], в Тыве [Грач, 1980, с. 192, рис. 54] и в Западной Монголии [Волков, 1981, с. 156, табл. 33, 1, 2; с. 192, табл. 69, 1 - 3; с. 226, табл. 103, 1 - 3; и т.д.].

В Арал-Толгое у южного подножия скальных выходов с петроглифами находится небольшой погребально-поминальный комплекс ($48^{\circ} 44'$ с. ш. - $88^{\circ} 08'$ в. д.). Он включает три каменные насыпи (диаметром 10 м) курганов скифского времени, балбалы и поминальные каменные кольца. Рядом с ними установлен оленный камень ($240 \times 40 \times 25$ см), вкопанный вверх ногами (рис. 6, 3). Только на его северной грани имеются рисунки: пояса, кинжал в натуральную величину (длина 39 см) и десять фигурок животных. На втором камне ($50 \times 35 \times 3$ см) неглубокой выбивкой обозначен пояс и на одной из граней кольцо-серьга. Третий камень ($116 \times 48 \times 12$ см) использован в качестве балбала и находится в 25 м на восток от насыпи кургана. На грани, обращенной к северу, изображены два щита и олень (?), на южной грани - две фигурки козлов и лук в горите, подвешенный к поясу (рис. 6, 2). Новые оленные камни Арал-Толгой органично входят в круг подобных мемориальных памятников раннескифской эпохи Саяно-Алтая и по реалиям могут быть датированы VII - VI вв. до н. э.

Еще около десяти оленных камней открыто в 1998 г. на территории Монгольского Алтая (рис. 7, 8). Половина их имеет только основные символы (триграммы, ожерелья, пояса и т.д.), присущие памятникам Западной Монголии, Российского Алтая и Тывы. Однако есть и исключения: на оленном камне ($136 \times 53 \times 17$ см), найденном на северном берегу оз. Хурган ($48^{\circ} 34'$ с. ш. - $88^{\circ} 32'$ в. д.) изображены крупные фигуры лошадей и оленей (см. рис. 6, 1). Этот камень использован

вторично в качестве балбала у кургана скифского времени и, возможно, является самым западным памятником классического монголо-забайкальского типа в пределах Монголии. Еще один камень аналогичного типа открыт у слияния рек Цагаан-Асгат и Хар-Чулуут. Здесь, в 2 км на север от русла реки, зафиксирован сложный ритуальный комплекс из трех огромных керексурсов и ряда стел, ориентированных с севера на юг. Он насчитывает около 40 камней, различных по высоте (от 0,4 до 2,5 м). Только на 14 из них различаются рисунки оленей, колец, желобков, серии неглубоких лунок и т. п. С одного камня, сохранившегося лучше других, снята копия (см. рис. 8). Этот оленный камень, как и соседние в ряду стелы, находится в первоначальном месте установки. Ориента-

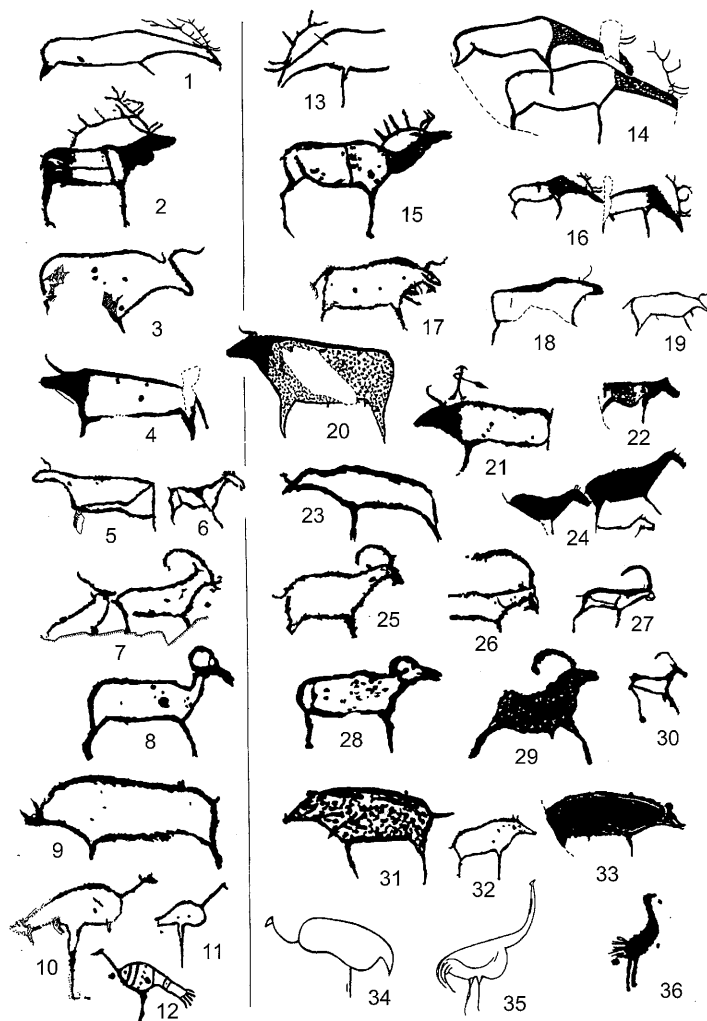

Рис. 4. Наскальные изображения Алтая.

1 - 12 - Арал-Толгой (Монгольский Алтай);
13 - 18, 20, 22 - 28, 31 - 33, 36 - Калбак-Таш (Российский Алтай);
19 - Джазатер (Российский Алтай);
21 - Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай);
29, 30 - Каракол (Российский Алтай);
34, 35 - Хойт-Цэнкер (Монгольский Алтай).

ция ряда и оленных камней в нем, наличие "жертвенных" каменных колец с восточной и западной сторон, - все это перекликается с порядком расположения оленных камней в Ушкийн-Увэр Галт сомона в Монголии [Волков, 1981, табл. 72, 85], в долине р. Юстыд [Кубарев, 1979, с. 14, рис. 3] и на плато Укок [Полосымак, 1993, с. 21] в Российском Алтае.

Почти все открытые нами оленные камни, как и в Российском Алтае, переиспользованы в более поздних погребально-поминальных сооружениях. Некоторые из них (в долине р. Могой) послужили исходным материалом для изготовления древнетюркских изваяний. Эта традиция, очевидно, очень древняя, судя по оленному камню из долины р. Цагаан-Гол. Он был сделан из "чашечного" камня,

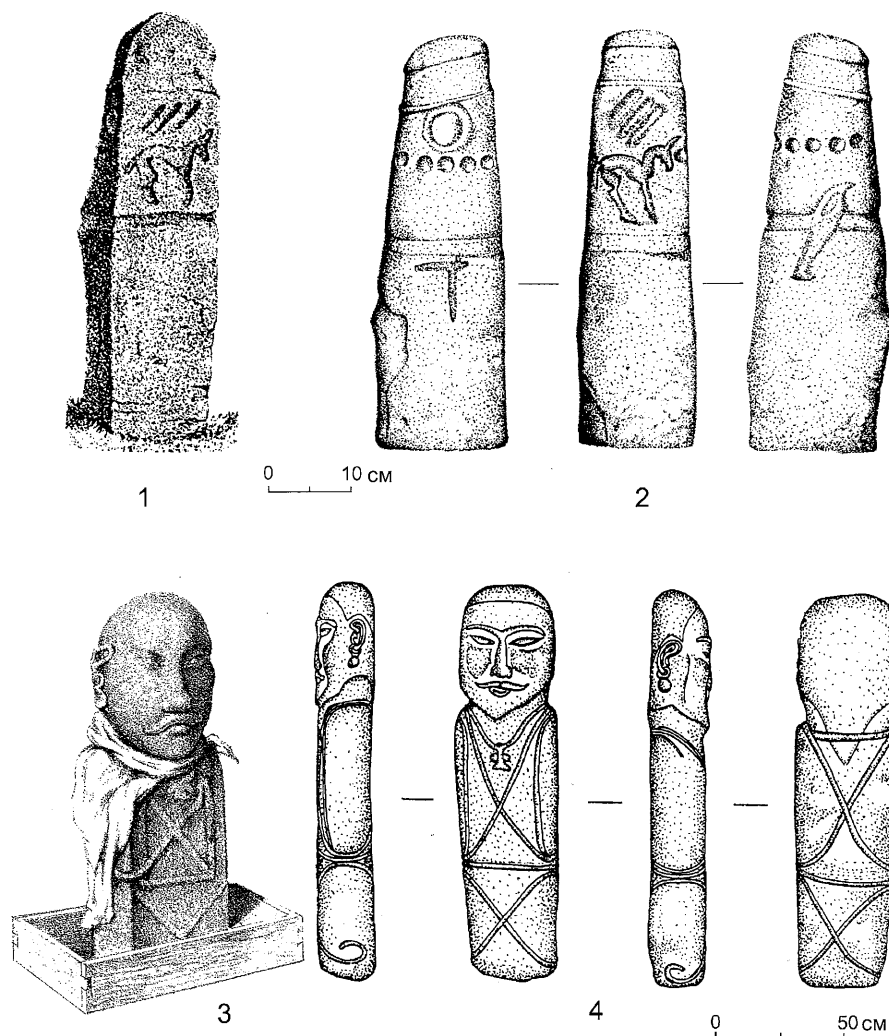

Рис. 5. Олений камень и тюркское изваяние у оз. Даян (Монгольский Алтай).
1, 3 - по Г.Н. Потанину, 2, 4 - прорисовка Г.В. Кубарева.

датируемого бронзовым веком (см. рис. 7, 1). На отдельных камнях выбиты всего один или два рисунка, а на стелах, установленных у подножия гор, часто встречаются рисунки, не характерные для оленних камней (см. рис. 7, 8). Ясно, что для таких стел были взяты плиты из разломов, уже с нанесенными и более древними рисунками.

Необычный камень найден на правом берегу р. Ховд, в 8 км вверх по течению от сомона Цэнгел ($48^{\circ} 53' \text{ с. ш.} - 89^{\circ} 04' \text{ в. д.}$). Он представляет собой темно-серый окатанный валун ($35 \times 27 \times 15 \text{ см}$), покрытый трещинами и изломами. На нем семь округлых лунок диаметром 3 - 4 см, нанесенных в определенном порядке (рис. 7, 7). Назначение камня неизвестно, но следует предположить, что он мог служить домашним алтарем. Ведь лунки, ямки и даже крупные чашевидные углубления на камнях многими исследователями интерпретируются как символы плодородия. А наличие еще одного такого

“чашечного” камня в насыпи огромного керексура у Цагаан-Нуура позволяет предположить, что эти древние раритеты могут относиться к бронзовому веку.

В местности Их Тургний Гол, напротив переправы-брода Сыргаль ($48^{\circ} 33' \text{ с. ш.} - 88^{\circ} 25' \text{ в. д.}$), сотрудниками экспедиции обследована целая серия (8 экз.) тюркских изваяний хорошей сохранности (рис. 9).

На юго-западном берегу оз. Даян ($48^{\circ} 19' \text{ с. ш.} - 88^{\circ} 55' \text{ в. д.}$) обнаружен небольшой комплекс, состоящий из двух древнетюркских оградок. У восточной стороны одной из них установлена стела, у другой каменное изваяние (см. рис. 5, 4). Оно также было открыто Г.Н. Потаниным [1881, с. 72 - 73, рис. 34]. И хотя рисунок, сделанный сибирским ученым, не является точной копией (см. рис. 5, 3), нам предоставлена возможность сравнить современное состояние изваяния и описание памятника, данное Г.Н. Потаниным.

“Близ озера Даинь-Гуля, на южном его берегу, между двумя малыми южными озерами, находится гранитный бюст, который киргизы называют Даинь-Батыр... Над Даинь-Батыром построен деревянный балаган в виде сруба с двускатной крышей и дверью; окон нет; дверь приходится против лица истукана; в пространстве между дверью и истуканом, стоящим у задней стены, протянута веревка, на которую навешаны во множестве шелковые лоскутья, конские волосы, а также связки из деревянных обрубок; эти обрубки четырехгранные, лукообразно изогнуты и оригинально покрашены; основание истукана окружено досками в виде ящика. По отделке частей и по степени сохранения кишачило Даинь-Батыр есть лучший из всех, какие мы видели в Северо-Западной Монголии” [1881, с. 72 - 73].

Конечно, от деревянного сооружения, возведенного над Даян-Батыром, в настоящее время ничего не осталось, но само изваяние сохранилось прекрасно и вызывает те же чувства, что и у Г.Н. Потанина. Он считал его самым лучшим в Северо-Западной Монголии по степени обработки и реалистичности. С таким заключением нужно согласиться. Однако следует добавить к описанию наши данные о памятнике. Изваяние выполнено на плите плотной мелкозернистой породы и представляет собой округлую скульптуру. Из монолита выделены голова, шея и плечи. С особой тщательностью проработаны детали лица: глаза, брови, нос, щеки и рот. Рельефно изображены уши и вдетые в них крупные серьги с шаровидными подвесками, а также волосы, собранные в накосник (?), и гривна (или ожерелье) с подвесным украшением на шее. Пояс изображен в виде узкого рельефного валика. Такие же валики перекрещивают фигуру выше и ниже пояса. Изваяние установлено лицом на восток у задернованной каменной ограды (5 x 5 м).

Наше внимание привлекла еще одна особенность памятника - следы красной краски на губах изваяния. Подобный прием (раскраска губ) отмечен на другом миниатюрном изваянии (у него к тому же подкрашены брови черным цветом), находящемся в экспозиции музея Томского университета. Оно было вывезено Г.Н. Потаниным из Синьцзяна, возможно, из китайской части Монгольского Алтая. Не исключая позднего происхождения этого обычая, заметим, что

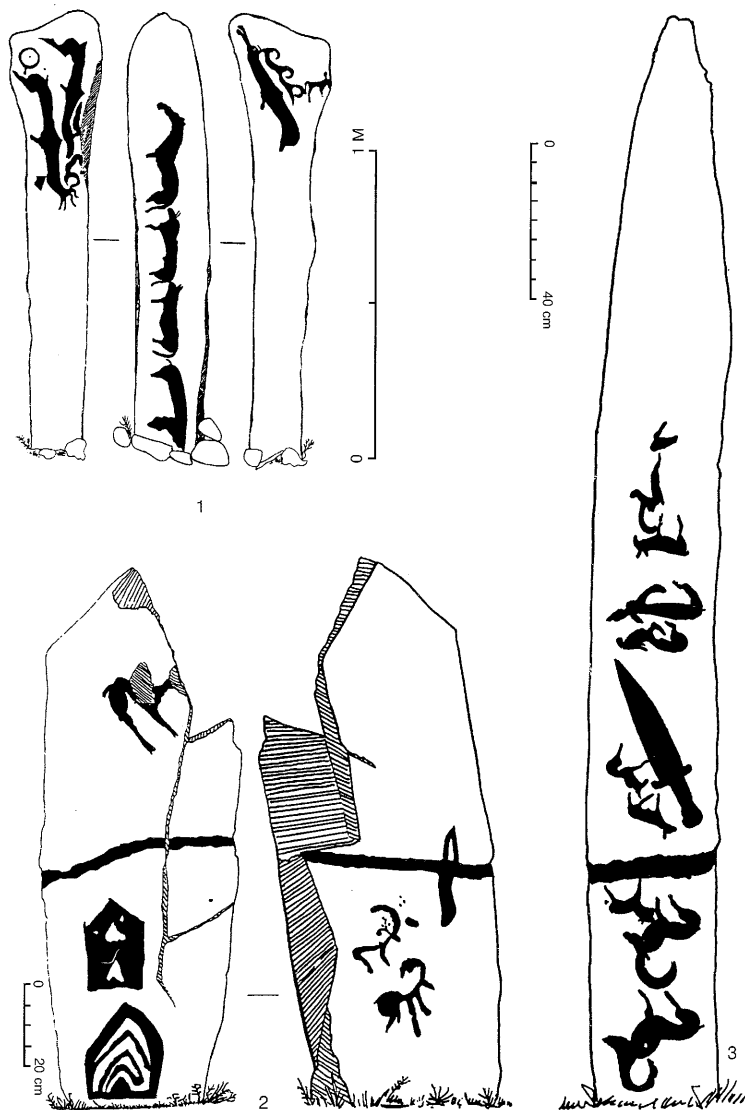

Рис. 6. Оленные камни Арал-Толгоя и у оз. Хурган (Монгольский Алтай).

подобная традиция была известна и половецким мастерам, применявшим для раскраски изваяний красную и черную краски [Плетнева, 1974, с. 58, рис. 28, а]. Отмеченные особенности алтайской скульптуры с оз. Даян подтверждают наше предположение о раскрашивании тюркских изваяний [Кубарев, 1984, с. 82]. Оно не кажется столь абсурдным, если учесть, что особенно реалистичные изваяния Центральной Азии выполнены из белого мрамора или известняка. Изображения предметов, деталей на них почти не различаются, сливаясь с фоном камня. Поэтому изваяния и раскрашивали, передавая всю цветовую гамму богатого костюма знатных тюрков.

Для датирования изваяния Даян-Батыр большое значение имеют реалии, изображенные на нем, но их немного. Кольчатые серьги с жемчужинами (?) - широко распространенное украшение в древнетюркском

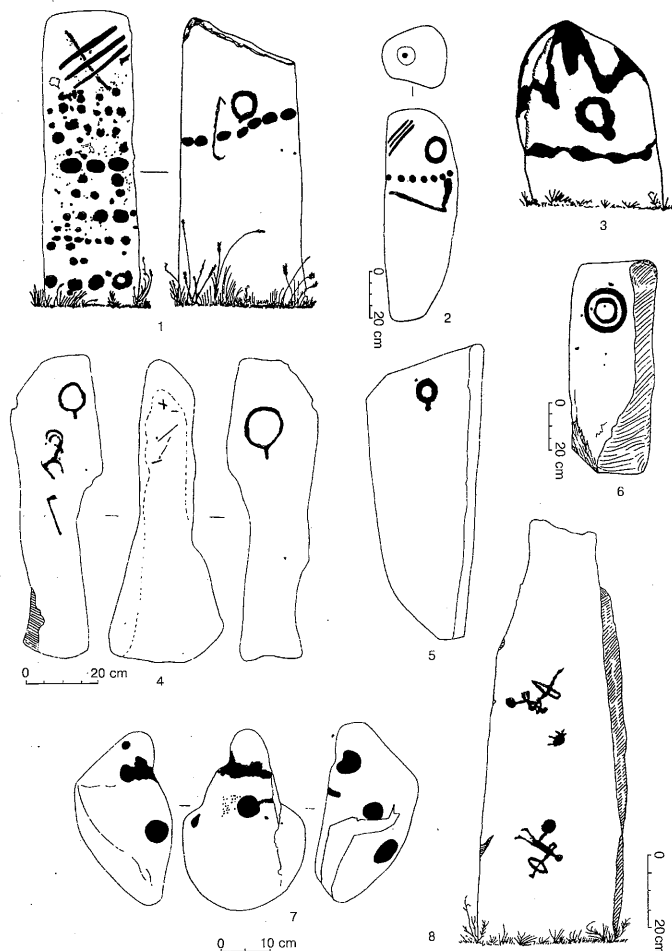

Рис. 7. Оленные камни и стелы Монгольского Алтая.

1, 3, 8 - Цагаан-Гол; 2, 5 - Могой; 4 - Хаалгат;
6 - Цагаан-Асгат; 7 - Ховд.

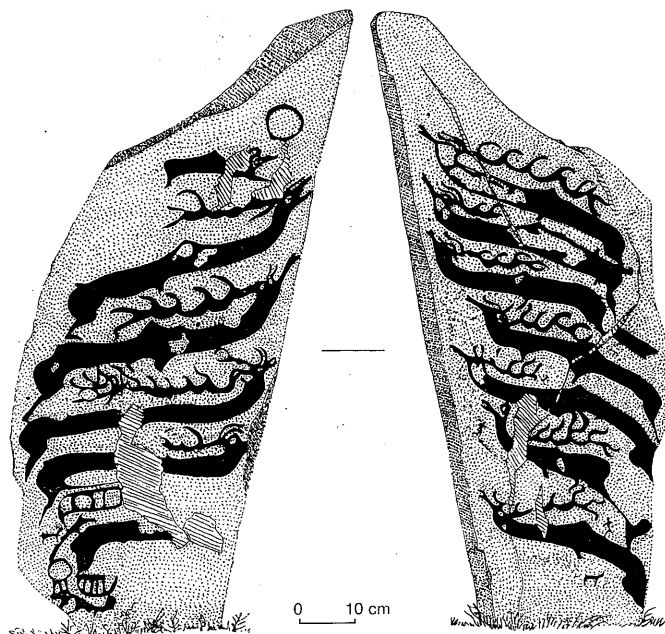

Рис. 8. Оленный камень из долины р. Цагаан-Асгат (Монгольский Алтай).

мире. Они не могут быть узко датирующими предметами. Только изображение гривны или ожерелья с подвеской в виде трилистника наводит на отдаленные аналогии с каменными изваяниями Семиречья. Причем следует отметить, что подобное редкое, может быть престижное, украшение характерно в основном только для реалистичных изваяний, не имеющих пояса и оружия [Шер, 1966, с. 103, табл. XVII, изв. 72 - 75]. Витые и гладкие гривны, а также ожерелья с различными подвесками и амулетами показаны также на многих персонажах росписей Варахши, Афрасиаба и Пенджикента [Лобачева, 1979, с. 27, рис. 2, 5, 7; с. 31, рис. 3, 1 - 3; и т. д.]. У изваяния Даян-Батыр к тому же отсутствуют изображения рук и сосуда, что не типично для древнетюркской скульптуры. Рельефные перекрещивающиеся полосы на туловище фигуры (простеганные валики или жгуты, нашитые на одежду (?)) - деталь, не находящая прямых аналогий. Можно указать только на два изваяния из Российского Алтая, на лицевой стороне которых показаны перекрещивающиеся полосы [Кубарев, 1984, с. 206, изв. 164; с. 299, изв. 255]. Они могли обозначать и ремни, крест-накрест опоясывающие туловище. Ремни были необходимы, судя по более поздним половецким скульптурам [Плетнева, 1974, с. 26, рис. 6, 3, 14], для крепления нагрудного доспеха. Но на изваянии в Даян-Батыр нет изображений оружия, а перекрещивающиеся полосы есть и ниже пояса, т.е. на нижней части фигуры. Таким образом, аналогии не объясняют назначение этой непонятной детали, которая все-таки более всего напоминает незамысловатый орнамент на одежде в виде халата с широкими и длинными рукавами, как бы скрывающими руки. Таким же орнаментом (перекрещенные рельефные валики) украшены и головные уборы двух каменных изваяний из южной части Российского Алтая [Кубарев, 1984, с. 204, табл. XXV, изв. 151 и 153]. Они также приводятся Д. Баяром в качестве прямых аналогов головному убору изваяния из Баянцагаана Архангайского аймака [1997, с. 42, рис. 3, 3, 4]. Подобный головной убор также напоминает шапку с двумя жгутообразными валиками, изображенную на голове одного из самых реалистичных изваяний Чуйской долины в Киргизии [Шер, 1966, с. 99, табл. XIV, 57].

Итак, изваяние Даян-Батыр, очевидно, датируется в широких хронологических рамках VIII - X вв. и может быть включено в группу древнетюркской скульптуры, намеренно изображенной без оружия [Шер, 1966, с. 26; Кубарев, 1984, с. 20].

О длительном почитании древней каменной скульптуры под именем Даян-Батыр свидетельствуют и следы жира или масла, глубоко впитавшиеся в правое плечо фигуры. Обычай давать названия определенным каменным бабам повсеместно зафиксирован на Алтае и в Монголии. К примеру, самое реалистичное алтайское изваяние из долины р. Тото (Курайская степь) местное население называло Кезером [Евтюхова, 1952, с. 75], а изваяние под именем Акташ на холме Дьер-Тебе особо почиталось, о чем свидетельствует небольшое обо, сооруженное рядом с ним [Кубарев, 1984, с. 78]. В Монголии у лежащего каменного изваяния (на берегу р. Бурдэн-Гол в Ар жаргалант сомоне) также сооружено обо, в котором стоит "бронзовая курильница, в ней лежат конский волос и деньги. Хотя местность, где находится изваяние, малонаселенная, все же вокруг него протоптана глубокая тропинка. Очевидно, уже длительное время каменная баба и обо являются местом поклонения... это каменное изваяние называют Ловх, не объясняя смысла данного названия" [Сэр-Оджав, 1964, с. 98]. Еще одно изваяние, найденное в местности Баин дундуран говь Ар жаргалант сомона, называли Лам чулуу - Каменный монах. В Убурхангайском аймаке "около сомонного центра Уянга находится каменная баба Увшхай" [Там же]. Последняя интересна тем, что над ней в XVIII в. был построен храм, где постоянно несли службу ламы. Им от хошуна каждый год отпускалось по 25 баранов.

Приведенные этнографические данные дают основания для утверждения, что древнетюркские изваяния, особенно те из них, которые представляют собой тщательно выполненные скульптуры, продолжали почитаться многими тюрко- и монголоязычными народами в последующие эпохи, вплоть до современности [Кубарев, Цэвээндорж, 1999]. И в настоящее время в Северо-Западной Монголии нами отмечено сохранение обычая повязывать пояс-хадак (изваяние у г. Улангом), полосы материи или платок на шею изваяний, как это наблюдал в свое время Г.Н. Потанин (см. рис. 5, 3). Особое внимание привлекает возведение над изваяниями храма или деревянного сооружения. У последнего есть все соответствующие признаки жилища: сруб, двускатная крыша, дверь, ориентированная на восток. И натянутая перед изваянием веревка с шелковыми лоскутами, конскими волосами и связками из деревянных обрубков позволяет провести прямую параллель с обычаем алтайцев привязывать такие же веревки с лоскутами в жилище или перед входом в него [Львова и др., 1988, с. 64].

Рис. 9. Древнетюркское изваяние из Их Тургний Гол (Монгольский Алтай).

Эти аналогии еще более усиливают позицию авторов в интерпретации древнетюркских поминальных сооружений как моделей храмов или символических жилищ [Кубарев, 1984, с. 61 - 66].

Итак, если подвести итог шестилетним исследованиям в малоизученном и труднодоступном регионе Западной Монголии, то можно прийти к выводу, что период накопления археологических материалов закончился. Впереди - изучение и осмысление новых сведений о ранее неизвестных исторических памятниках Центральной Азии.

Список литературы

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. - Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. - 253 с.
- Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. - М.: Наука, 1961. - 94 с.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М.: Наука, 1980. - 250 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. - № 24. - С. 72 - 120.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. - Новосибирск: Наука, 1979. - 110 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. - 172 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск: Наука, 1984. - 230 с.

Кубарев В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. - Вып. 2. - С. 88 - 97.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. - 123 с.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и оз. Даян (Монгольский Алтай) // Изв. лаборатории археологии. - Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтай. гос. ун-та, 1999. - Вып. 4. - С. 169 - 173.

Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. - С. 18 - 48.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Юж-

ной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск: Наука, 1988. - 225 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие петроглифы Алтая // Обзорение 1993 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. - С. 89 - 91.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния - М.: Наука, 1974. - 200 с. - (САИ; Вып. Е4-2).

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Алтаика. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. - Вып. 3. - С. 21 - 31.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. - СПб., 1881. - Вып. 2. - 90 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М.; Л.: Наука, 1966. - 140 с.

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу. - Уланбаатар: АДМОН, 1997. - 148 с.

Сэр-Олжав Н. Археологические разведки в Восточном аймаке МНР в 1962 году // Studia archaeologica. - Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1964. - Т. 3, Fast. 10. - Р. 95 - 101.

Kubarev V.D., Jakobson E. Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). - P., 1996. - 256 p. - (Repertoire des petroglyphes d'asie centrale; T. 5; F. 3).

Материал поступил в редколлегию 15.04.99 г.